

Болѣзни и врачебная помощь въ эпоху войны 1812 года.

Д-ра Е. М. Идельсона.

(Окончаніе *).

Переходя къ разбору отдѣльныхъ патологическихъ формъ, принявшихъ эпидемическій характеръ въ кампаніи 1812 года, необходимо отмѣтить, что всѣ вообще военные походы почти за все 18 столѣтіе, а Наполеоновскіе въ особенности, вмѣстѣ съ громомъ оружія разносили вездѣ и повсюду весьма жестокия, разрушительныя повальныя болѣзни. Хотя эпидеміи эти въ смыслѣ ихъ распространія и въ смыслѣ многихъ этиологическихъ условій, губительно повліявшихъ на воевавшія арміи, весьма подробно описаны, но все таки точнаго обозначенія и дифференцировки, отдѣльныхъ формъ заболѣваній мы не имѣемъ. Однѣ и тѣ же болѣзненныя формы этихъ военныхъ эпидемій фигурируютъ въ тогдашней эпидеміографіи подъ различными наименованіями и эпитетами. Если современная медицина не безгрѣшна чрезмѣрнымъ обиліемъ своей терминологіи, то врачебная терминологія 18 вѣка была также не менѣе многообразна, и въ тоже время весьма мало обоснована. При недостаточномъ развитіи врачебнаго мышленія, или правильнѣе сказать, при отсутствіи анатомо-физиологическаго метода мышленія, понятіе о сущности болѣзненныхъ процессовъ имѣли въ тогдашнемъ врачебномъ сознаніи какой то туманный и неопредѣленный отпечатокъ неясныхъ спекулятивныхъ умозрѣній и крайне теоретическихъ, предвзятыхъ доктринъ. Явленіе это особенно сказывалось по отношенію къ

---

*) См. «Кавказскій Медицинскій Журналъ» Томъ XII, 1912 г., № 2.

носологіи инфекціонныхъ болѣзней. Для выясненія сущности какого нибудь инфекціоннаго болѣзненнаго процесса врачебное мышленіе этой эпохи прибѣгало къ различнаго рода традиціонно-философскимъ комбинаціямъ, не имѣвшимъ въ основѣ реальныхъ фактовъ, опыта и точнаго экспериментальнаго наблюденія. Генеральный терминъ „лихорадка“ снабжался прибавленными выраженіями натурфилософскаго изобрѣтенія и происхожденія. Читая въ тогдашнихъ описаніяхъ о биліозной, путридной, слизистой, гниlostной, ревматическо-желчной лихорадкѣ, подчасъ весьма трудно, по нашимъ современнымъ понятіямъ, выяснить какія собственно формы болѣзни подъ ними подразумѣваются. Не будемъ касаться здѣсь той горячей полемики, которая постоянно велась между врачами по поводу перехода одной формы лихорадки въ другую, и отъѣхъ сложныхъ, чисто терапевтическихъ пріемахъ, которые примѣнялись при этихъ заболѣваніяхъ. Представленіе о лихорадкѣ еще болѣе осложнилось и затуманилось, когда на сцену появились нѣкоторыя догмы изъ ученія о раздраженіи (*Irritabilitätslehre*). Подъ вліяніемъ этой теоріи прибавились еще новыя формы лихорадки астеническія, адинамическія и нервныя. Тѣмъ не менѣе, по описаніямъ врачей участниковъ кампаніи 1812 года, можно съ большою вѣроятностью допустить, что доминирующія заболѣванія, которыя обрушивались на воевавшія арміи и уносили наибольшее число жертвъ, были инфекціоннаго свойства и особенно проявились въ формѣ сыпнаго тифа (*Typhus petechialis*). Брюшной тифъ, при тогдшнемъ состояніи носологіи, не былъ еще выдѣленъ въ отдѣльную форму и смѣшивался съ различными кишечными заболѣваніями и дизентеріею, которая также, въ свою очередь, фигурировала подъ другими разными названіями. Вышеупомянутый врачъ Керкгофъ, состоявшій все время похода при 3-мъ корпусѣ маршала Нея, распредѣляетъ наблюдавшіяся имъ болѣзни на 3 группы. Къ первой группѣ онъ относитъ болѣзни брюшныхъ органовъ. Въ этой группѣ онъ различаетъ отдѣльныя формы болѣзни, какъ: воспаленіе печени, биліозное воспаленіе кишечника (*Entérite bilieuse*), далѣе гастрическое въ связи съ печенью разстройство (*Embarras hépatico-gastrique*), какъ діаррея и дизентерія. Ко 2-й группѣ онъ причисляетъ легочныя пораженія, подъ которыми онъ понимаетъ легочный катарръ и воспаленіе легкихъ (*Péripneumonia*). Въ 3-ю группу Керкгофъ включилъ лихорадки, между которыми онъ перечислялъ слѣдующія формы: ремиттирующія-гастрическія,

интермиттирующія-гастрическія, изнурительныя, нервныя, тифъ и синюхи. По этимъ свѣдѣніямъ весьма трудно теперь ориентироваться въ томъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ тѣми названіями, которыми Керкгофъ описываетъ различныя, наблюдавшіяся имъ, формы заболѣваній. Скорѣе всего, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій, надо полагать, что эти биліозныя, ремиттирующія, интермиттирующія, гастрическія, изнурительныя, нервныя лихорадки были ни что иное, какъ болѣзни инфекціоннаго свойства, тѣмъ болѣе, что онѣ не были единичными, спорадическими, а охватывали широкія массы не только въ арміи, но и среди мирнаго населенія, и принимали жестокий, заразительный характеръ. О дифференціальномъ распознаваніи отдѣльных тифозныхъ, равно какъ и другихъ формъ заболѣваній не могло быть и рѣчи; такъ какъ болѣе точные діагнозы сдѣлались достояніемъ врачебной науки лишь только со 2-й половины минувшаго 19 столѣтія, благодаря успѣхамъ патологической анатоміи, расцвѣту микроскопіи, химіи, бактеріологіи, а также благодаря широкому развитію объективныхъ методовъ изслѣдованія.

Не лишне здѣсь также отмѣтить, что врачъ Керкгофъ съ особеннымъ озлобленіемъ нападаетъ на Наполеона, не даетъ ему никакой пощады и называетъ его кровожаднымъ тигромъ.

Другой врачъ, очевидецъ кампаніи 1812 года, Буржуа (Réné-Bourgeois) былъ старшимъ хирургомъ кирасирскаго полка. Ларрей въ своихъ мемуарахъ называетъ его своимъ цѣннымъ сотрудникомъ. Будучи повидимому меньше одержимъ ученымъ доктринерствомъ, Буржуа передаетъ только то, что онъ наблюдалъ, не употребляя при этомъ многихъ разнообразныхъ названій болѣзней. Французская армія, говоритъ Буржуа, начала таять по мѣрѣ того, какъ она стала подвергаться усиленному переутомленію, разнымъ лишеніямъ и болѣзнямъ. Не перечисляя подробно отдѣльных формъ болѣзней, Буржуа говоритъ лишь то, что самая жестокая болѣзнь, отъ которой особенно пострадала французская армія, была нервная лихорадка (*fièvre nerveuse*) или тифъ, который являлся повсюду слѣдомъ за марширующими войсками. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ этой нервной лихорадкой надо считать сыпной тифъ, который въ четвертый разъ появился за время Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ. Не лишены интереса свѣдѣнія, сообщаемыя Буржуа, объ особенномъ психическомъ состояніи у многихъ изъ участниковъ этой жестокой войны. Ничего нѣтъ удивительнаго, говоритъ онъ, если психика у многихъ

нарушилась и разстроилась при видѣ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и страданій, которыя постигли жалкіе остатки дезорганизованной и деморализованной французской арміи, которая такъ много надеялась и рассчитывала на обѣщанные ей предъ войной побѣдоносные триумфы. Мѣткими выраженіями описываетъ Буржуа это психическое состояніе. „Огромное число изъ насъ находилось въ состояніи какого то безумія (Dementii). Этихъ психически-разстроенныхъ субъектовъ можно было сразу узнавать и отличить, среди цѣлой толпы, по ихъ мутному и тусклому взгляду, по бессмысленному и тупоумному выраженію лица. Погруженные въ какое то оцѣпенѣніе, они тихо и безмолвно маршировали, какъ автоматы. Ничто ихъ не интересовало. При настойчивыхъ распросахъ получались отъ нихъ какіе то безсвязные, отрывочные, и далеко неправильные отвѣты. Оставаясь не чувствительными ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, эти несчастные субъекты ни на что не реагировали, даже на ругательства и побои; ничто не могло ихъ расшевелить и вызвать изъ этого состоянія идиотизма и апатіи. Такое подавленное душевное состояніе продолжалось у многихъ очень долго. Буржуа увѣряетъ, что встрѣчалъ ихъ, по окончаніи войны, во Франціи, гдѣ болѣзнь эта называлась *Moscowite*. Многіе изъ этихъ несчастныхъ бродили по дорогамъ въ безсознательномъ состояніи, погибали отъ холода и голода и смертельно обжигались у бивуачныхъ костровъ. Очень часто приходилось выслушивать отъ ихъ товарищей, что больные эти отморозили себѣ мозги. Ларрей также описываетъ, что ему приходилось встрѣчать такихъ субъектовъ, которые бродили по дорогамъ съ потерью рѣчи и зрѣнія, съ разслабленной мускулатурой, такъ что ихъ все время поддерживали товарищи, пока не умирали на пути слѣдованія. Центральная нервная система у многихъ больныхъ, по мнѣнію Буржуа не мало поражалась вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ морозовъ, достигавшихъ 27—30°R. Особенно замерзали по ночамъ тѣ солдаты, которые не были въ состояніи воздержаться отъ сна. Подобнаго рода факты, подмѣченные врачами еще въ 1812 году, имѣютъ и для насъ особенную цѣнность; ибо въ военной медицинѣ лишь только за послѣднее время стали ближе изучать психологію массъ и обращать вниманіе на психо-нервные страданія, являющіяся въ арміяхъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій походно-боевой жизни. Невзгоды и мученія французской арміи особенно рѣзко проявлялись въ тѣхъ войсковыхъ группахъ, которыя вынуждены были быстро пере-

ходить отъ правильнаго, равномернаго, походнаго движенія къ усиленнымъ форсированнымъ маршамъ и усиленнымъ боевымъ операціямъ. Для подтвержденія этой мысли, Буржуа приводитъ слѣдующій фактъ. При обратномъ отступленіи арміи, въ Ошмянахъ явились свѣжія войска въ числѣ 10000 человекъ. Дивизія эта привезла съ собою много провіанта и прочихъ запасовъ. Задача ея была прикрывать отступленіе французской арміи. Но въ результатъ ничего не получилось. Быстро наступившее переутомленіе, бивуакированіе при сильныхъ морозахъ слѣбали то, что, въ теченіе 3-хъ дней, погибло больше 3000 человекъ, при явленіяхъ инаниціи и вышеупомянутой психо-нервной болѣзни. Буржуа описываетъ также тяжелую форму *офтальміи*, появившейся во французской арміи, при отступленіи въ г. Оршѣ. Картина этой болѣзни напоминаетъ собою офтальмію, свирѣпствовавшую во время Наполеонскаго похода въ Египтъ. Буржуа держится того воззрѣнія, что Египетская офтальмія происходила вслѣдствіи сильнаго отраженія солнечнаго свѣта отъ блестящаго и согрѣтаго песку, а въ 12 году причины эпидемическаго воспаления глазъ онъ приписываетъ вліянію ослѣпительнаго блеска снѣговъ, постояннаго дыма отъ бивуачныхъ костровъ и продолжительныхъ бессонныхъ ночей. Картина болѣзни, по Буржуа, была слѣдующая: соединительная оболочка глазъ была темно-краснаго цвѣта, сильное опуханіе соединительной оболочки и вѣкъ, обильное отдѣленіе слезъ, такъ что глаза купались въ слезахъ, сильныя стрѣляющія боли и подъ конецъ свѣто-боязнь, въ сильнѣйшей степени, до полной потери зрѣнія. Отъ мучительной боли и отъ слѣпоты люди падали на дорогѣ въ изнеможеніи и погибали.

Противоположно Керкгофу, Буржуа совершенно по другому, и болѣе объективно характеризуетъ Наполеона. Хотя, говоритъ Буржуа, этотъ человекъ долженъ считаться единственнымъ виновникомъ и главною причиною постигшихъ насъ бѣдствій и несчастія, все таки его психическое обаяніе было такъ могущественно, что одно его присутствіе, даже при такой печальной обстановкѣ—это было при отступленіи въ Оршѣ—вызывало такой энтузіазмъ, что каждый изъ насъ готовъ былъ для него жертвовать своею жизнью. Насколько обаяніе Наполеона дѣйствовало на чувства его солдатъ, рассказываетъ врачъ французской гвардіи де-ля-Флизъ въ своихъ запискахъ. Во время Бородинской битвы ему на перевязочномъ пунктѣ пришлось ампутиро-

вать разбитую руку у одного молодого артиллерійскаго унтер-офицера. Послѣдній перенесъ операцію съ большимъ мужествомъ. Какъ только операція кончилась, онъ сталъ просить у врача, чтобы тотъ ему отдалъ отнятую руку, что и сдѣлано. Взявъ ее здоровою рукой, унтеръ-офицеръ поднялъ ее, и закричалъ съ вострогомъ: „Да здравствуетъ Императоръ Наполеонъ“.

3-й врачъ, оставившій намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о заболѣваемости французской арміи въ 12 году, былъ Лемазурье. Главнѣйшими причинами появленія различныхъ болѣзней во французской арміи, со времени перехода чрезъ Нѣманъ, какъ уже было упомянуто, Лемазурье также считаетъ черезмѣрное переутомленіе отъ ускореннаго марша, неблагопріятныя мѣстныя условія страны, вслѣдствіе отсутствія и неудовлетворительнаго питанія. Болѣзни, преобладавшія въ это время, были гастрическія пораженія, биліозныя и пугридные лихорадки, спорадическіе случаи тифа, поносы и различныя формы дизентеріи. Лемазурье подчеркиваетъ, что большинство изъ заболѣвшихъ имѣли видъ крайняго истощенія и это, по его мнѣнію, находилось въ связи съ больше и больше нарастающей нуждой. Съ наступленіемъ дождливой погоды и холодныхъ ночей, а также и отъ плохого питанія, болѣзни получали злокачественное теченіе: солдаты стали умирать тысячами. Среди 5000 больныхъ, размѣщенныхъ въ Вильнѣ по госпиталямъ, большая половина страдала нутужными поносами, осложнившимися тифознымъ состояніемъ. При дальнѣйшемъ наступленіи арміи въ Іюль конституція болѣзней была та же какъ въ Вильнѣ, но чѣмъ дальше двигались впередъ, тѣмъ больше увеличивалась смертность.

Со 2-й половины Августа 1812 года, тифозныя заболѣванія сдѣлались господствующими, но при этомъ случаи нутужнаго кроваваго поноса не прекращались даже по прибытіи французской арміи въ Москву. Кромѣ того, за это время насчитывалось не мало случаевъ скорбута, хроническаго мышечнаго и суставнаго ревматизма, легочныхъ катарровъ и чахотки. При наблюденіи больныхъ весьма замѣтно было, что ностальгія и подавленное состояніе духа (*affections morales*) значительно ухудшили теченіе каждого даннаго болѣзненнаго процесса. Что касается вліянія температуры воздуха и состоянія погоды на заболѣваемость острыми инфекціонными болѣзнями, то Лемазурье, при своей тщательной наблюдательности и регистраціи, не находилъ особенной связи между ними. Восприимчивость къ тифознымъ заболѣваніямъ,

по мнѣнію Лемазурье, стала главнымъ образомъ увеличиваться и нарастать отъ чрезмѣрнаго скучиванія больныхъ и раненыхъ по госпиталямъ, отъ чрезмѣрнаго утомленія людей при ухудшенномъ питаніи. Картины эпидемической офтальміи и случаи внезапной смерти солдатъ на ходу, при обратномъ отступленіи, приблизительно одинаково описываются у Лемазурье, какъ и у Буржуа. Что касается тифозныхъ заболѣваній, которыя дали наибольшее число жертвъ во французской арміи, то ихъ симптомы, теченіе, исходъ и осложненія описываются довольно наглядно и обстоятельно; хотя объ аутопсіяхъ при этомъ не упоминается въ его запискахъ, но по цѣлому ряду больныхъ, у которыхъ отмѣчено присутствіе пятенъ на тѣлѣ, (*Eruptions de pétéchies*) можно съ увѣренностью сказать, что это было ничто иное какъ *сыпной тифъ*. Что сыпь или петехіи не всегда ясно выступаютъ при эпидемическомъ сыпномъ тифѣ, указывалъ позднѣе и Гризингеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Фактъ, что эта форма заболѣванія свирѣпствовала также и среди мирнаго населенія, куда она была занесена французами, также отчасти указываетъ на то, что имѣло съ сыпнымъ тифомъ. У Лемазурье, между прочимъ, отмѣченъ фактъ, что за время кампаніи, съ Іюля до Января, въ одной Вильнѣ и ея окрестностяхъ похоронено 55000 труповъ.

Состоявшій при Вюртембергскомъ корпусѣ полковымъ и лазаретнымъ врачомъ Фонъ Шереръ также описываетъ бѣдствія, обрушившіяся на французскую армію. Его сообщеніе ничѣмъ особеннымъ не отличается, отъ свѣдѣній вышеприведенныхъ врачей. Разница только въ томъ, что онъ подробнѣе останавливается на описаніи господствовавшихъ въ арміи поносовъ и дизентеріи. Фонъ Шереръ производилъ даже патолого-анатомическія вскрытія, и найденныя имъ при этомъ явленія сообщаетъ въ своей диссертациі. Еще когда отрядъ его находился въ Польшѣ, ему попадались случаи ревматическаго поноса и дизентеріи, которые отличались гнилымъ характеромъ. Онъ нашелъ, что желудокъ, толстыя кишки и въ особенности прямая были воспалены. Слизистая оболочка почти всего пищеварительнаго тракта была вялая и рыхлая, и въ различныхъ мѣстахъ кишечника были нарывы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарывы были не только въ прямой кишкѣ, но и въ желудкѣ, особенно въ основаніи его. Въ другихъ случаяхъ нарывы распространялись изъ желудка въ тонкія кишки, а изъ прямой переходили на толстую кишку. Первые были небольшой величины и имѣли зазубренные края, а послѣдніе были

величиной отъ чечевичнаго зерна до полдюйма. Во многихъ нарывахъ было мѣстами омертвѣвшее дно. Глубина этихъ нарывовъ въ толщу кишечныхъ стѣнокъ была различная. Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчалось прободеніе брюшины. Брыжеечныя железы большею частью были воспалены и съ нагноеніемъ. Еще болѣе своеобразною, чѣмъ явленія, найденныя фонъ Шереромъ при аутопсіи, представляется описанная имъ клиническая картина этихъ натужныхъ поносовъ или дизентеріи. Многіе изъ этихъ больныхъ, рассказываетъ фонъ Шереръ, умирали быстро, безъ всякой лихорадки, жаловались только на боль живота. Часто случалось, что эти больные маршировали бодро, въ полномъ вооруженіи, садились и тутъ же внезапно умирали. Нерѣдко случалось фонъ Шереру наблюдать, что описываемыя имъ болѣзни кишечника сопровождались душевнымъ разстройствомъ, въ формѣ тяжелой меланхоліи, доводившей часто до самоубійства. Такое теченіе болѣзни, по мнѣнію фонъ Шерера, обязано было распространенному злоупотребленію алкоголемъ. Фонъ Шереръ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что сильное душевное волненіе, охватившее весь отрядъ, какъ напримѣръ во время боя подъ Смоленскомъ, подѣйствовало такъ, что въ теченіе 4 дней, такихъ больныхъ вовсе не было, но за то число ихъ увеличилось вплоть до вступленія въ Москву, гдѣ еще прибавились и тифозныя заболѣванія. Тифы имѣли такое злокачественное теченіе, что похожи были по его понятію, на чумныя заболѣванія. Фонъ Шереръ также описываетъ патолого-анатомическія явленія у умершихъ отъ замерзанія, но онъ существеннаго ничего не сообщаетъ, развѣ только то, что наружные покровы труповъ, умершихъ отъ замерзанія, отличались необыкновенной бѣлизной, а внутренніе органы были переполнены кровью. Субъекты, подвергавшіеся дѣйствию морозовъ страдали нерѣдко, по Шереру, слабоуміемъ и впадали въ состояніе дѣтства. Нерѣдко, подѣ влияніемъ сильныхъ холодовъ, являлись психозы въ формѣ маніи величія, и разстроенное душевное состояніе продолжалось долго по прибытіи на родину. Объ эпидемической офтальміи фонъ Шереръ говоритъ тоже, что и другіе врачи.

Ларрей въ своихъ мемуарахъ о походѣ Наполеона въ Россію, хотя больше всего трактуетъ о фактахъ изъ области своей неутомимой хирургической дѣятельности на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ, но въ то же время онъ посвящаетъ свое вниманіе также инфекціоннымъ заболѣваніямъ и ихъ при-

чинамъ, а также и клинической картинѣ тѣхъ болѣзненныхъ формъ, которыя ему самому приходилось наблюдать, какъ во время походаго движенія, такъ и по госпиталямъ. Въ первомъ періодѣ наступленія французской арміи Ларрей отмѣчаетъ какъ одну изъ причинъ заболѣваемости злоупотребленіе алкоголемъ, въ особенности среди молодой гвардіи, описываетъ качество русской водки и картину опьяненія солдатъ и придаетъ этому пьянству большое этиологическое значеніе въ смыслѣ воспріимчивости къ различнымъ заболѣваніямъ. О недостаточномъ питаніи арміи онъ не упоминаетъ въ началѣ похода, надо полагать потому, что онъ все время находился при Наполеоновской гвардіи, которая была на особомъ счету и питалась сравнительно лучше чѣмъ прочія войска. Хотя нельзя не замѣтить, какъ извѣстно по другимъ источникамъ, что на пути слѣдованія между Витебскомъ и Смоленскомъ пришлось сократить гвардейскій раціонъ до $\frac{2}{3}$ его первоначальнаго размѣра, что армія стала питаться мясомъ отъ павшихъ лошадей и что за недостаткомъ соли стали употреблять порохъ. За то Ларрей мрачными красками рисуеътъ вліяніе холода на здоровье людей при обратномъ отступленіи арміи. Термометръ, который висѣлъ у него на пальто падалъ, особенно по ночамъ до 27°R . Да и днемъ трудно было согрѣваться. Въ воздухѣ былъ сплошной густой туманъ, такъ что лучи солнца не проникали. Все было покрыто снѣгомъ: одежда и глазныя рѣсницы. Люди маршировали въ глубокомъ молчаніи и находились въ такомъ состояніи тупоумія и подавленности, что другъ друга не узнавали. Зрѣніе и мускулатура были на столько разслаблены, что солдаты теряли всякое равновѣсіе, падали по дорогѣ, и товарищи, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжали свой путь. Съ 8 на 9 Декабря вся дорога по которой проходили войска была устѣяна замерзшими трупами. Ларрей рассказываетъ про себя, что несмотря на свои природныя силы онъ такъ разслабъ, что едва могъ добраться до Вильны. Ларрей далѣе рассказываетъ, что тѣ субъекты, которые счастливо перенесли ужасы холода и голода, несмотря на то, что положеніе ихъ при обратномъ вступленіи въ Пруссію нѣсколько измѣнилось къ лучшему, все таки часто поражались болѣзнью, которую онъ называетъ *Fièvre méningite cattarrhale de congélation*. Вскорѣ болѣзнь эта стала принимать эпидемическій, заразный характеръ. Особенно заразительна была эта болѣзнь по мнѣнію Ларрея въ 3-мъ періодѣ ея, когда она осложнялась омер-

твѣніемъ конечностей. Ларрей, по тогдашнимъ разумѣется понятіямъ, находить, что причина этой болѣзни кроется въ нарушенномъ кровообращеніи и гипереміи внутреннихъ оболочекъ, наступавшихъ вслѣдствіе быстрыхъ переѣздовъ въ образѣ жизни этихъ больныхъ. Ларрей даетъ этому этиологическому моменту особенное названіе *Ataxie catarrhale de congélation* (замѣшательство, происшедшее въ организмѣ, вслѣдствіе простуженнаго катарра). Несмотря на такое замысловатое названіе, симптомокомплексъ этой болѣзни передается довольно точно. Интенсивность и теченіе этого болѣзненнаго процесса были не одинаковы. При благопріятномъ исходѣ болѣзнь протекала непродолжительнымъ лихорадочнымъ періодомъ отъ 5 до 9 дней. Періодъ этотъ оканчивался критическимъ кровотеченіемъ изъ носа или прямой кишки (*flux dysentérique*). Иногда, вмѣсто кровотечения изъ слизистыхъ оболочекъ, наступалъ обильный, грязноватый, темно-бурый потъ. При неблагопріятномъ же исходѣ болѣзни довольно скоро являлись, особенно на нижнихъ конечностяхъ, пятна, принимавшія рожистый или гангренозный характеръ. Моча отдѣлялась въ маломъ количествѣ и была мутная. Испражненія зловонныя. Всѣ функции организма постепенно ослабѣвали и больные погибали около 15-го дня а иногда и раньше. Явленія, найденныя при аутопсіи умершихъ отъ этой болѣзни, Ларреемъ отмѣчены слѣдующія: на поверхности мозга онъ находилъ бѣловую субстанцію, но никакого гноя не было. Мозговые пазухи и сосуды были наполнены свернувшейся кровью темнаго цвѣта. Слизистыя оболочки воздухоносныхъ путей имѣли мѣстами буроватую окраску. Кишечникъ былъ сокращенъ, какъ онъ объясняетъ, вслѣдствіе продолжительной бездѣятельности. Почти во всѣхъ случаяхъ на нижнихъ конечностяхъ встрѣчались гангренозные струпа. О состояніи селезенки и печени въ этомъ описаніи не упоминается. Самъ Ларрей при посѣщеніи Кенигсбергскихъ госпиталей заразился и перенесъ описываемую имъ болѣзнь, которая принимала тогда широкіе размѣры по всей Пруссіи, гдѣ проходили остатки французской арміи. Изъ этого, хотя неполнаго, описанія болѣзни можно также съ большей вѣроятностью предполагать, что тутъ рѣчь идетъ о сыпномъ тифѣ. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ сообщеній врачей участниковъ кампаніи 1812 года видно, что во французской арміи свирѣпствовали эпидемически: *сыпной тифъ*, *дизентерія*, а также и *брюшной тифъ*, подъ общимъ терминомъ поноса, и *эпидемическая офтальмія*.

Само собою разумѣется, что приведенныя свѣдѣнія, какъ имѣющія мемуарный характеръ и не лишенныя извѣстной окраски тогдашнихъ носологическихъ воззрѣній, не вполне отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ наше время предъявляются къ врачебно-санитарнымъ отчетамъ; но въ виду того, что эти врачи были очевидцами въ различныхъ пунктахъ и частяхъ французской арміи, равно какъ и потому, что всѣ ихъ сообщенія болѣе или менѣе однородны, приходится ими пользоваться, при выясненіи свирѣпствовавшихъ тогда различныхъ формъ заболѣваній; тѣмъ болѣе, что лучшіе компетентные эпидемиологи, какъ: Лавранъ, Гезеръ, Гризингеръ, Гиршъ высказываются о заразныхъ заболѣваніяхъ во время кампаніи 1812 года въ томъ же смыслѣ.

О заболѣваемости въ русской арміи, на сколько мнѣ извѣстно, не имѣется отдѣльныхъ специальныхъ, военно-врачебныхъ свѣдѣній. Военные врачи, приглашенные въ большомъ числѣ на службу въ русскую армію съ запада, повидимому не оставили никакихъ описаній господствовавшихъ въ арміи болѣзней. Можетъ быть въ архивахъ имѣются какія либо официальные данныя, но они до сихъ поръ еще не опубликованы въ печати. Что въ русской арміи несомнѣнно свирѣпствовали также остро-заразные болѣзни, можно отчасти судить по тѣмъ болѣзнямъ, которыя были распространены среди мирнаго населенія по путямъ движенія обѣихъ армій. Въ запискахъ С. Глинки о Москвѣ въ 1812 году помѣщена статья врача Воробьевскаго о заразной болѣзни, господствовавшей среди крестьянъ Московскаго уѣзда во время и послѣ нашествія французовъ. Хотя врачъ этотъ называетъ болѣзнь адинамической горячкой (*Febris adynamica asthenica*) въ связи со страданіемъ печени и съ кровавымъ поносомъ, но по подробно-перечисленнымъ симптомамъ видно, что онъ имѣлъ дѣло съ тифозными заболѣваніями и дизентеріей. Болѣзни эти по словамъ Воробьевскаго, были такъ жестоки, что уносили массу жертвъ изъ среды обывателей. Вышеупомянутый плѣнный французскій докторъ Роосъ также наблюдалъ массу тифозныхъ больныхъ со значительной смертностью среди мирныхъ жителей г. Борисова и въ окрестностяхъ рѣки Березины. Въ русскихъ историческихъ сочиненіяхъ о кампаніи 1812 года имѣются также лишь общія указанія о потеряхъ русской арміи отъ болѣзней, но въ этихъ указаніяхъ нѣтъ подробной характеристики отдѣльныхъ патологическихъ формъ заболѣваній. Нельзя также не подчеркнуть, что эти указанія не лишены нѣкоторыхъ противорѣчій,

зависящихъ отъ извѣстной субъективности различныхъ мемуаровъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія исторіи 1812 г. Такъ напримѣръ, вышеупомянутый историкъ фонъ-Клаузевицъ рисуетъ санитарное состояніе русской арміи довольно мрачными красками. Особенно печальное и отчаянное положеніе для русской арміи наступило, по его словамъ, со второй половины Августа до окончательнаго изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи. Больше другихъ пострадалъ отъ болѣзней авангардъ, который оставилъ по главнымъ дорогамъ преслѣдованія массу больныхъ и умершихъ отъ истощенія и холода.

Нѣкоторую характеристику для оцѣнки военной санитаріи русской арміи даетъ намъ также письмо лейбъ-медика Вилье къ Аракчееву. Вилье состоялъ при особѣ Императора Александра. Послѣ отъѣзда Государя изъ арміи, Вилье, по просьбѣ многихъ генераловъ и офицеровъ, остался при арміи и былъ потомъ назначенъ главнымъ врачебнымъ инспекторомъ арміи. Въ письмѣ своемъ къ Аракчееву онъ пишетъ слѣдующее: Въ Витебскѣ и г. Порѣчьѣ имѣлъ я случай удостовѣриться на опытѣ, что медицинское въ дѣйствующей арміи управленіе, существовавшее современи Аустерлицкой кампаніи, было вовсе оставлено, а новое не приведено въ исполненіе. Здѣсь я производилъ много операций и былъ свидѣтелемъ сдѣланной наилучшимъ образомъ перевязки прибывшимъ въ сіи города раненымъ, но, какъ мѣста, въ кои надлежало отправить ихъ для дальнѣйшей перевязки не были, къ сожалѣнію, назначены, то тяжело раненые, не имѣя достаточнаго числа подводъ, должны были изъ Витебска тащиться въ палящей зной, безъ пищи, безъ питья, задушаемые пылью по большой дорогѣ къ Порѣчью. Натурально слѣдствіемъ чего было воспаленіе ранъ и тому подобное. Къ крайнему моему сожалѣнію не имѣю до сихъ поръ свѣдѣній, сколько больныхъ и раненыхъ вышло изъ Москвы, ибо они принуждены были оставить оную внезапно и идти по разнымъ дорогамъ.

Причины же умноженія въ арміи больныхъ должно искать въ недостаткѣ хорошей пищи и теплой одежды. До сихъ поръ большая часть солдатъ носятъ лѣтніе панталоны и у многихъ шинели сдѣлались столь ветхи, что не могутъ защищать отъ сырости и холодной погоды. Состояніе раненыхъ можно было бы легко улучшить, но сему препятствуютъ ежедневныя движенія армій, отчего по сіе время нельзя еще было устроить нигдѣ для принятія ихъ временныхъ военныхъ госпиталей. Далѣе Вилье описы-

ваетъ, какъ во время Бородинскаго сраженія онъ, находясь въ центрѣ арміи при главнокомандующимъ Кутузовѣ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы двѣ трети всего числа врачей находились въ третьей линіи арміи впереди резервовъ, и что имъ устроены врачебные пункты для оказанія помощи транспортируемымъ раненымъ. Вилье проситъ Аракчеева доложить Государю о томъ, что то, что возможно—дѣлается для больныхъ и раненыхъ, и что имъ назначенъ лейбъ-медикъ Лодеръ съ 50 врачами для сопровожденія больныхъ, которые будутъ вывезены изъ Москвы при отступленіи. По смыслу этого письма видно, что Вилье проситъ Аракчеева успокоить Императора Александра, который былъ весьма огорченъ докладомъ министра Козодавлева о безпорядкахъ, царившихъ во врачебной части русской арміи.

Въ мемуарахъ Евгенія Вюртембергскаго высказывается по этому поводу совершенно противоположное мнѣніе, а именно: что санитарное состояніе русской арміи было довольно благопріятное, и что въ военной исторіи едва ли когда нибудь былъ лучший примѣръ проявленія большей заботливости о нуждахъ солдатъ, чѣмъ въ русской арміи эпохи 1812 года. Въ запискахъ Борнгарда о жизни графа фонъ Толя приводятся болѣе подробныя данныя о томъ, какія принимались мѣры въ русской арміи для устраненія всѣхъ тѣхъ трудностей и невзгодъ, какія приходилось ей преодолевать во время зимняго похода при форсированномъ преслѣдованіи отступавшей французской арміи. Войскамъ по возможности раздавались теплая одежды и полушубки. Никогда не было недостатка въ хлѣбѣ и сухаряхъ. Съ появленіемъ первыхъ морозовъ русскія войска помѣщались на ночлегахъ не на бивуакахъ, а по квартирамъ. Разосланное предъ началомъ войны наставленіе Г.г. пѣхотнымъ офицерамъ также свидѣтельствуетъ о предупредительныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ русской арміи для сбереженія здоровья солдата. Въ этомъ наставленіи 1-й пунктъ гласитъ: офицеръ долженъ заботиться о здоровьи и пищѣ солдата, потому что отъ послѣдняго можно требовать многого только тогда, когда онъ видитъ заботливость начальника.

Огромное моральное значеніе въ дѣлѣ попеченія о больныхъ и раненыхъ русской арміи имѣла импозантная личность Императора Александра I-го, человѣколюбивыя стремленія котораго вызвали восторженные отзывы всѣхъ, безъ исключенія, современниковъ. По своему отношенію къ судьбѣ раненыхъ и больныхъ не только своихъ, но и непріятельскихъ, Императоръ Александръ I-й

представлялъ собою рѣзкій контрастъ съ Наполеономъ. Въ авангардномъ дѣлѣ подъ Вишау Императоръ Александръ былъ первый разъ подъ огнемъ. Какъ только затихла пальба, онъ шагомъ и безмолвно объѣзжалъ поле сраженія, всматриваясь въ лежавшія тѣла, онъ приказывалъ подавать помощь тѣмъ, въ комъ замѣчалъ искру жизни. Опечаленный зрѣлищемъ пораженныхъ смертью и ранами, Государь цѣлый день не ѣлъ, а къ вечеру почувствовалъ себя нездоровымъ. Тоже самое было и подъ Аустерлицемъ. Еще рельефнѣе выражалось сердечное участіе къ жертвамъ войны, когда Императоръ Александръ I-й прибылъ въ Вильну вскорѣ послѣ изгнанія французовъ. Вильна въ это время представляла потрясающее зрѣлище. Городъ былъ переполненъ больными, ранеными и умирающими. Болѣе 800 лошадей были наряжены для вывоза труповъ изъ госпиталей. Госпиталь въ Базилианскомъ монастырѣ представлялъ собою ужасную картину. 7500 труповъ были навалены другъ на друга и валялись по всѣмъ коридорамъ и помѣщеніямъ. Всѣ отверстія разбитыхъ оконъ и стѣнъ были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобы передохранить живыхъ отъ доступа холоднаго воздуха. И въ этихъ помѣщеніяхъ, наполненныхъ зловоніемъ и всякими вредными испареніями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель. Пріѣздъ Императора Александра явился истиннымъ крупнымъ благодѣяніемъ для оставшихся въ живыхъ непріятелей. Немедленно была оказана всевозможная помощь не только по его распоряженіямъ, но и подъ его личнымъ надзоромъ. Императоръ присутствовалъ при перевязкахъ и при раздачѣ пищи, не боялся посѣщать гнѣздо смерти, не боясь заразы онъ явился туда, чтобы утѣшать всѣхъ тѣхъ, которые сдѣлались жертвой долга и несчастья и очутились въ этихъ печальныхъ помѣщеніяхъ страданія и скорби.

„Я изстрадался здѣсь“, выразился Императоръ Александръ I-й, въ бесѣдѣ съ окружающими, „я не обладаю философіей Наполеона“. Приведенные только что факты объ отношеніи Императора Александра I-го къ участи раненыхъ должны поистинѣ считаться провозвѣстникомъ тѣхъ гуманныхъ идей, выразителями которыхъ явились черезъ 1/2 столѣтія Пироговъ, Анри Дюнанъ, великая княгиня Елена Павловна, Миссъ Найтингаль и другіе культурные дѣятели Женевского международнаго конгресса, благодѣяніями котораго пользуется современное чело-вѣчество. Не взирая однакожъ на всѣ благородныя и гуманныя

проявленія Александра I-го, de facto они оставались благочестивыми пожеланіями. Съ одной стороны черезчуръ романтическое, не всегда осуществимое челоуѣколюбивое настроеніе, царившее во многихъ сферахъ тогдашняго русскаго общества, а съ другой—антикультурность эпохи, въ смыслѣ господствовавшей недобросовѣстной эксплуатаціи госпитальнаго режима тогдашними бюрократическими дѣятелями, были причинами того, что военно-врачебное дѣло не получило надлежащаго успѣха и усовершенствованія. Кромѣ того колоссально-ожесточенный характеръ самой борьбы съ нашествіемъ Наполеона создалъ массу тѣхъ тяжелыхъ и трудно устранимыхъ условій, въ которыхъ очутились больные и раненые русской арміи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же тяжелыхъ условій военно-походной жизни, русская армія подвержена была неизбѣжной участи самоуничтоженія. Опустошенія, производившіяся при поспѣшномъ отступленіи въ началѣ войны, съ цѣлью отраженія врага своей родины, также весьма пагубно повліяли на санитарное состояніе русской арміи. Такое же, если не большее изнуреніе, такое же непосильное переутомленіе, какъ и во французской арміи, породили среди русскихъ защитниковъ своего отечества массу всевозможныхъ больныхъ, значительно превышавшихъ число раненыхъ, неимѣвшихъ также за собою никакого ухода и не получавшихъ никакой правильной врачебной помощи. Такъ напримѣръ, послѣ Бородинскаго побоища, при огромной массѣ убитыхъ и раненыхъ обѣихъ армій, можно себя представить, въ какомъ отчаянномъ положеніи очутились раненые и больные отступавшей русской арміи. Оставленные безъ всякой помощи, если не истекали кровью, то умирали отъ голода и жажды. При занятіи французами Можайска, какъ утверждаетъ Шамбрай, русскихъ больныхъ и раненыхъ было до 10000 челоуѣкъ. Чтобы очистить городъ и окрестности для своихъ раненыхъ, французы выносили русскихъ больныхъ на улицы, гдѣ они оставались безъ всякаго призрѣнія. Даже въ болѣе благопріятный для русской арміи періодъ войны заболѣваемость была громадная. „Не будемъ удивляться“, говоритъ Богдановичъ въ своей исторіи 1812 года „огромнымъ потерямъ, понесеннымъ русской арміей на пространствѣ отъ Вязьмы до Смоленска. Необходимо принять во вниманіе, что наши войска должны были совершать переходы въ 25 и болѣе верстъ по проселочнымъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ, дорогамъ въ сильную стужу, при чемъ подвижные магазины на волахъ отставали отъ нихъ

очень далеко. Несмотря на то что наши солдаты привыкли къ перенесенію холода и несмотря на то, что по повелѣнію Государя всѣ были снабжены полушубками, все таки потери были громадныя“. При выступленіи изъ Тарутинскаго лагеря русская армія насчитывала 97112 человекъ. Послѣ укомплектованія ея рекрутами оказалось налицо 102254 человекъ, а чрезъ два мѣсяца по прибытіи арміи въ окрестности Вильны, въ рядахъ ея было всего 42000, на пути слѣдованія было оставлено по госпиталямъ 48000 больныхъ, не считая 12000 убитыхъ и раненыхъ за эти два мѣсяца. Если такимъ образомъ учесть всѣ цифровыя данныя о потеряхъ русской арміи, то выходитъ, что изъ 255 тысячъ первоначальнаго состава уцѣлѣло только 42000 человекъ т. е. армія сократилась до $\frac{1}{6}$ своего первоначальнаго состава.

Для характеристики военной медицины эпохи 1812 года не лишне будетъ вкратцѣ коснуться тогдашняго способа леченія ранъ. Леченіе ранъ въ эту эпоху, въ силу многихъ старыхъ традицій, не подвергавшихся никакой рационально-научной критикѣ, отличалось такъ называемою полипрагмазіей, т. е. при леченіи ранъ примѣнялась масса всевозможныхъ и весьма сложныхъ по своему составу пластырей, мазей и примочекъ. Общихъ принциповъ въ методѣ леченія ранъ не было, такъ какъ этиологическіе моменты, влияющіе на то или другое теченіе раны, еще надлежащимъ образомъ не были выяснены. Одни хирурги, напримѣръ, перевязывали рану по нѣскольку¹ разъ въ день, а другіе оставляли рану чрезчуръ долго безъ всякой повязки. Одни хирурги накладывали теплыя, а другіе холодныя повязки; одни примѣняли сухія, а другіе наоборотъ влажныя повязки. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ субъективно-эмпирическихъ привычекъ, нѣкоторымъ хирургамъ нравились индифферентныя перевязочныя средства, а другимъ раздражающія припарки. Рядомъ съ этими разнородными приемами, практиковался также съ одной стороны методъ открытаго лѣченія ранъ по Русту, а съ другой весьма продолжительное оставленіе повязки на ранѣ по способу Ларрея, который, напримѣръ, накладывалъ повязку у раненаго на Бородинскомъ полѣ битвы, и эта повязка снималась только по прибытіи раненаго въ Парижъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ приемовъ при лѣченіи ранъ получилось только то, что ни одна рана хотя бы и незначительная, почти не заживала *per primam intentionem*, а всегда путемъ нагноенія. Несомнѣнно что въ ря-

ду причинъ нагноенія ранъ служила также добрая, старая корпія, которая благочестиво щипалась грязными руками нерѣдко изъ стараго, загрязненнаго бѣлья. Ларрей, какъ описывается въ его мемуарахъ, вмѣстѣ со своими хирургами, при недостаткѣ перевязочныхъ средствъ на поляхъ сраженія, пользовался собственнымъ бѣльемъ для перевязки раненыхъ. Эта корпія фигурировала въ хирургіи еще долго и послѣ 1812 года. Исходя отъ современной точки зрѣнія, послѣ того какъ въ медицинѣ водворилось составившее эпоху ученіе Пастера, Листера и Коха, становится теперь весьма понятнымъ, почему въ госпиталяхъ 1812 года хирургическое лѣченіе давало такіе не только неблагопріятные проценты выздоровленія, но раны очень часто, и пожалуй подрядъ, осложнялись госпитальной рожей, гангреной и піэміей, о чемъ даже спустя полстолѣтія такъ много жаловался и такъ много горевалъ великій Пироговъ во время Севастопольской войны. Въ силу господствовавшихъ тогда воззрѣній и неполнаго знанія условій инфекціи ранъ, особенное значеніе и даже какое то преимущество придавалось конституціональному леченію раненаго предъ мѣстнымъ, раціональнымъ уходомъ за самой раной. Хирургамъ предоставлялось только лечить рану въ узкомъ смыслѣ, а общимъ леченіемъ, всей тогдашней антифлогистикой, пиявками, банками, кровопусканіемъ, заволоками, фонтанелями, рвотными, слабительными и клистирами руководилъ главнымъ образомъ тогдашній такъ называемый *Medicus primus*. Нельзя здѣсь также не упомянуть, что постоянный разладъ и пререканія, существовавшіе между медиками и хирургами, ихъ взаимное постоянное стремленіе подрывать авторитетъ другъ у друга, лишало ихъ всякаго вліянія на администрацію и весьма невыгодно отражалось на состояніи врачебнаго дѣла въ арміяхъ. Личный перевязочный пакетъ, пріобрѣтшій за послѣднее 50-ти лѣтіе такое важное значеніе для первоначальной перевязки ранъ въ боевой линіи, также отсутствовалъ въ арміяхъ 1812 года и не имѣлъ себѣ предшественниковъ въ формѣ какихъ либо другихъ повязокъ. Способы остановки кровотеченія при пораненіяхъ и хирургическихъ операціяхъ также крупно вліяли на тотъ или другой исходъ всякой раны. Не смотря на то, что перевязка кровеносныхъ сосудовъ введена была еще Амброазъ-Парэ и Гунтеромъ, въ эпоху 1812 года она не получила еще полного права гражданства, и у многихъ врачей сохранилась еще старая привязанность къ тампону и каленому желѣзу. Извѣстные хирурги, какъ *Petit*

и генеральный хирургъ Прусской арміи Theden, испытывали особенный страхъ и ужасъ при видѣ торсіоннаго пинцета. Нѣсколько раньше главный докторъ Прусской арміи Герке отдалъ приказъ по арміи, чтобы врачи при операціяхъ не прибѣгали къ *варварскому* способу перевязки сосудовъ. Даже Ларрей, не взирая на его талантливую оперативную технику и искусное умѣнье перевязывать сложныя раны, встрѣчалъ нерѣдко протестъ со стороны другихъ хирурговъ по поводу примѣнявшейся имъ перевязки сосудовъ. Благодарный турникетъ, служившій нерѣдко спасеніемъ для раненаго отъ окончательнаго истеченія кровью, при тогдашнихъ условіяхъ передвиженія и транспортировки раненыхъ также не могъ давать особенно желательныхъ результатовъ. Ибо для правильнаго примѣненія турникета, хотя бы и усовершенствованнаго, необходимо требуется еще, чтобы раненаго переносили на хорошо приспособленныхъ носилкахъ, подъ постояннымъ наблюденіемъ специально подготовленныхъ носильщиковъ.

Докторъ французской гвардіи де-ля-Флизъ, работавшій подъ руководствомъ Ларрея, описываетъ въ своемъ дневникѣ цѣлмы переноски и транспортировки раненыхъ во время Бородинскаго сраженія. Не говоря уже о другихъ войскахъ, даже въ гвардіи, о которой Наполеонъ всегда особенно заботился, носилки импровизировались только во время наступленія боя. Чаще всего раненые переносились на скрещенныхъ ружьяхъ или на простыхъ доскахъ.

„Трудно себѣ представить, говоритъ де-ля-Флизъ, каковы должны быть страданія раненаго, у котораго ляшки, нога или обѣ ноги разбиты или оторваны, когда его поднимаютъ съ земли и кладутъ на скрещенные ружья или доску. Какъ часто я бывалъ свидѣтелемъ этого ужаснаго зрѣлища, какъ часто отъ такого рода переноски раны и увѣчья дѣлались смертельными“. Общій наркозъ и мѣстная анестезія, оказавшіе такія блестящія услуги современной хирургіи, также отсутствовали еще и были забыты въ эту эпоху, несмотря на то, что сама идея наркоза зародилась еще въ древней классической медицинѣ у Архигена, Діоскорида и Плинія. „Невозможно передать, продолжаетъ этотъ врачъ, того рева, того скрежета зубовъ, тѣхъ болѣзненныхъ криковъ и стоновъ больныхъ отъ самой раны и отъ способовъ леченія ея, когда операторъ разрѣзаетъ покровы, разсѣкаетъ мышцы и нервы, пилитъ насквозь кости, перерѣзываетъ артеріи, кровью

которыхъ забрызганы врачи съ ногъ до головы“. Ларрей со своими сотрудниками, стоя на колѣняхъ въ грязи, подъ какими нибудь импровизированными навѣсами, по цѣлымъ ночамъ, по окончаніи боя, подавали помощь раненымъ при сказаной обстановкѣ. Подъ вліяніемъ и впечатлѣніемъ пріемовъ современной хирургіи, со всѣми ея научно-техническими приспособленіями и усовершенствованіями, намъ теперь еще труднѣе представить себѣ ту ужасную, потрясающую картину, которую изображала изъ себя хирургическая помощь во время войны 1812 года.

Изъ приведенныхъ фактическихъ данныхъ хотя и весьма краткихъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что военная санитарія въ кампаніи 1812 года, не получила еще тогда особеннаго, прогрессивнаго развитія, а скорѣе страдала тѣми же стереотипными недостатками, которыми она отличалась въ минувшую некультурную эпоху среднихъ вѣковъ. Но необходимо также замѣтить, что застой въ организаціи военно-врачебнаго дѣла продолжался еще долго и послѣ войны 1812 года, чуть ли не до послѣдней четверти минувшаго 19-го вѣка, что намъ достаточно иллюстрируютъ письма Пирогова изъ Севастополя и замѣтки въ его военно-полевой хирургіи о военно-врачебныхъ нуждахъ во время крымской войны.—Конечно, военное искусство, какъ таковое, имѣетъ своею главною цѣлью побѣждать противника и уничтожать вооруженныя силы врага. Военное искусство уже по своему существу и по внутреннему своему смыслу имѣетъ также свое самостоятельное историческое теченіе и не всегда могло вполне гармонизировать и проявлять полную солидарность съ идеалами и задачами истинной врачебной науки. Но если война принадлежитъ къ неизбѣжнымъ мрачнымъ явленіямъ въ исторіи народовъ, если трудно вообще представить себѣ ту идеальную картину, когда тигръ будетъ пастись на лугахъ рядомъ съ овечкой, когда народы раскуютъ свои мечи на орала и будутъ мирно блаженствовать подъ своими смоковницами и виноградниками, то все таки нельзя отказаться отъ той мысли, что сама война, равно какъ и международная мораль, по законамъ эволюціи должны все болѣе и болѣе усовершенствоваться и принимать болѣе культурный характеръ. Международная борьба при своемъ проявленіи на историческомъ горизонтѣ все болѣе и болѣе теряетъ свой зоологическій характеръ и все болѣе и болѣе нуж-

дается въ оправдывающихъ ее морально-культурныхъ мотивахъ. При усовершенствованіи же мотивовъ войны являются также и другіе психическіе импульсы, которые воодушевляютъ и очаровываютъ армію, импульсы, придающіе боевой арміи особенный энтузіазмъ и необходимы для успѣха ея чувства военного долга и безграничнаго самоотверженія. Насколько психическое настроеніе существенно важно для успѣха арміи едва ли сомнѣвались когда либо и кто либо изъ военныхъ полководцевъ, и война 1812 года также это доказала. Обѣ арміи, какъ наступавшая, такъ и оборонявшаяся, одинаково сильно пострадали и цѣликомъ почти растаяли отъ голода, холода, всевозможныхъ лишеній и массовыхъ заразныхъ болѣзней; но побѣда осталась за русской арміей несомнѣнно потому, что она имѣла гораздо больше психическихъ стимуловъ и была вооружена и проникнута болѣе сильными эмоціональными и нравственными побужденіями, чѣмъ французская армія. Организція разумнаго здравоохраненія арміи, помимо ея филантропической роли, какъ завѣтъ элементарной человѣчности, уже сама по себѣ имѣетъ также крупное значеніе для стратегіи и тактики. Забота и попеченіе о больныхъ и раненыхъ служатъ, въ свою очередь, громаднымъ коррективомъ для психическаго настроенія арміи и не мало поддерживаютъ тотъ духъ и ту внушаемость, которые составляютъ *conditio sine qua non* для успѣха воюющей арміи. — Анализируя всѣ печальныя условія военной санитаріи во время кампаніи 1812 года, невольно напрашивается мысль что главныя причины малоуспѣшности и непродуктивности врачебнаго дѣла этой эпохи состояли въ томъ, что тогда еще въ общественномъ сознаніи отсутствовали идеи и понятія о значеніи общественной профилактики и широкаго массоваго здравоохраненія въ формѣ частной, добровольной, солидарной и скорой помощи. Если въ средніе вѣка врачи состояли только при высокопоставленныхъ особахъ, обслуживали только интересы ихъ личнаго здоровья, игнорируя при этомъ всю массу бойцовъ, то въ 1812 году въ этомъ отношеніи далеко не ушли впередъ, за весьма малымъ исключеніемъ. Роль тогдашней врачебной науки, вся сфера ея дѣятельности сосредоточивались и вращались въ тѣсныхъ и узкихъ рамкахъ индивидуальнаго врачеванія. Всѣ тогдашнія первичныя ампутаціи, экзартикуляціи и другіе хирургическіе приемы на поляхъ сраженія, всѣ длинныя и многосложные рецепты натурфилософскаго мышленія ока-

зались жалкими и ничтожными паліативами, дававшими только воображаемую пользу и сомнительные результаты послѣ того, какъ больные и раненые очутились въ тогдашнихъ крайне плохо организованныхъ лечебныхъ заведеніяхъ, въ этихъ разсадникахъ и очагахъ заразы и смерти. Понадобилось больше чѣмъ полстолѣтія послѣ войны 1812 года, чтобы услышать назидательныя слова, высказанныя Пироговымъ въ своемъ отчетѣ по обзорѣнню военно-санитарныхъ учрежденій во время француско-нѣмецкой войны 1870 года. „Что, спрашиваетъ Пироговъ, преимущественно вліяетъ на успѣхи леченія и на уменьшеніе смертности въ войскахъ?“ И на это отвѣчаетъ. „Ужъ вѣрно не терапия и хирургія сами по себѣ. Для массъ въ терапіи и хирургіи безъ хорошей администраціи даже и въ мирное время мало проку, а въ такихъ катастрофахъ, какъ война, и подавно“. Приведенныя слова Пирогова могутъ и поднесъ служить для насъ руководящимъ афоризмомъ, ибо всѣ успѣхи врачебной науки во всѣхъ ея отрасляхъ, всѣ техническія усовершенствованія врачебнаго искусства пріобрѣтаютъ свое настоящее значеніе и свою настоящую культурную цѣнность лишь тогда, когда онѣ примѣняются къ здравоохраненію цѣлыхъ народныхъ массъ, въ томъ числѣ, конечно и арміи, представляющей собою, въ настоящее время, синонимъ цѣлаго народа.

Но для того, чтобы массовое здравоохраненіе примѣнялось въ широкомъ его смыслѣ и пониманіи, необходимо пандемическое господство челоувѣколюбія и взаимной культурной солидарности не только между всѣми элементами и слоями даннаго населенія, но между цѣлыми народами и государствами.

Л и т е р а т у р а.

При составленіи предыдущей рѣчи авторъ пользовался слѣдующими литературными источниками:

- 1) Geschichte d. Medizin. D-r Max Neuburger und D-r J. Pagel. Jena 1902.
- 2) Haeser, H. Prof. Geschichte d. epidemischen Krankheiten Jena. 1853.
- 3) Stricker, W. D-r. Archiv f. pathologische Anatomie R. Virchow. B. 53.

- 4) Linstow, V. Deutsche militärärztliche Zeitschrift. 1900.
- 5) Militärarzt 1901.
- 6) Koch, R. Prof. Die Bekämpfung der Infectionskrankheiten. Berlin. 1888.
- 7) Larrey, D. Z. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes.
- 8) Ebstein, W. D-r. Die Erkrankungen im Feldzuge gegen Russland 1812.
- 9) Nierder O. D-r Die Kriegesepidemien des 19. Jahrhunderts.
- 10) Clausewitz v. Ueber Krieg und Kriegführung. Berlin. 1835.
- 11) V. Roos H. F. L. Ein Jahr aus meinem Leben. S. Petersburg. 1832.
- 12) Magnus Hugo Prof. Der Werth der Geschichte für die moderne induktive Naturbetrachtung.
- 13) Илиада Гомера. Переводъ Минскаго. Москва. 1896 г.
- 14) Богдановичъ, М. Исторія отечественной войны 1812 г
- 15) Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ Первый. С.-Петербургъ 1897.
- 16) де-ла-Флизъ. Записки д-ра франц. гвардіи. Русская Старина за 1891 и 1892 годы.
- 17) Дубровский, Н. Отечественная война въ письмахъ современниковъ С.-Петербургъ 1882.
- 18) Глинка, С. Записки о Москвѣ 1812 г. С.-Петербургъ. 1837.
- 19) Рихтеръ, В. Исторія медицины въ Россіи. Москва 1820 г.
- 20) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1812 года. С.-Петербургъ 1840 г.
- 21) Лавранъ, А. Ученіе о войсковыхъ болѣзняхъ и эпидеміяхъ. С.-Петербургъ. 1877.
- 22) Гринингеръ. Горячечныя болѣзни. Томъ 1-ый. С.-Петербургъ. 1861.
- 23) Змѣевъ, А. О. Былое врачебной Россіи. С.-Петербургъ. 1900 г.
- 24) Чистовичъ, Я. Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений 18 столѣтія. С.-Петербургъ. 1870 г.
- 25) Загоскинъ. Н. П. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань 1891.
- 26) Сташевскій, Е. Д. Кіевскія университетскія извѣстія 1910. кн. 7.
- 27) Пироговъ, Н. И. Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ. С.-Петербургъ. 1871, а также и Военно-полевая Хирургія.

